

замечает, что оба эти довода равным образом опровергают и его собственную идентификацию. Ведь и при заключении первого договора инициатором был Алексей, отгравивший к печенегам Синесия. Кроме того, как в первом, так и во втором случаях печенеги немедленно нарушили мир: Синесий, по словам писательницы (II, p. 106), еще не успел вернуться к императору, как печенеги возобновили военные действия и заняли Филиппополь.

Идентифицируя мирный договор, упомянутый Феофилактом, с тем, который, согласно Анне, заключил Синесий, Готье пытается установить его дату на основании данных «Алексиады». До Готье распределить во времени события печенежской войны старались К. Дитер, Ф. Шаландон, В. Васильевский, В. Златарский и др., однако большинство датировок носило гипотетический характер, ибо основывалось лишь на сбивчивых и противоречивых указаниях Анны. Но и Готье распределяет события во времени чисто логическим путем. Следует признать, что текст «Алексиады» в этом разделе не дает оснований для точных датировок.

Отстаивая свою датировку, Готье обращает внимание на слова Феофилакта (cap. 11) о том, что Алексей ввел в свою империю, сделал членами синклита и «сподобил святого крещения» неких пришельцев с Востока. По мнению Готье, речь идет об упомянутых Анной (II, p. 66, 81) Чауше и Илхане, перешедших на службу к Алексею и принявших христианство. Однако хронология этих событий в «Алексиаде» и в данном случае весьма неопределенна, и поэтому датировки, предложенные Готье, носят в ряде случаев произвольный характер. Можно считать вероятной гипотезой предложение Готье датировать мятеж Илхана концом 1086 — началом 1087 г., однако никак нельзя согласиться с датировкой похода полководца Мелик-Шаха Бузана в Малую Азию 1087 г. Ведь, согласно Анне, Бузан передал Алексею предложение Мелик-Шаха выдать дочь за его старшего сына, а посланец императора Татикий, который нес ответное письмо султану, уже не застал в живых Мелик-Шаха. Мелик-Шах же, как известно, умер в 1092 г. Готье приводит два соображения в подкрепление своей датировки: 1) доводы, которые приводит Мелик-Шах в письме, переданном с Бузаном, стремясь склонить к союзу Алексея, соответствуют ситуации 1087 г. В этом письме султан напоминает Алексею о его борьбе с «латинянами», т. е. о кампании против Роберта Гвискара, закончившейся в 1085 г.; 2) Мелик-Шах предлагает Алексею выдать замуж свою дочь за его старшего сына, а старший сын султана Ахмет умер в 1088 г. Эти аргументы не представляются нам убедительными. Во-первых, Мелик-Шах вспоминает вообще о врагах, с которыми встретился Алексей с того момента, как взял власть в свои руки, и, следовательно, доводы Мелик-Шаха не обязательно связывать с ситуацией 1087 г. Во-вторых, под старшим сыном может иметься в виду наследник султана Бэрк-Ярук, ведь называет же Анна по ошибке первенца Роберта Боэмунда младшим сыном Роберта.

Готье приводит еще один аргумент в пользу своей датировки. Феофилакт побуждает Алексея провозгласить соправителем своего сына Иоанна, которого он называет *ὀφικῶτατος θεῖα* — «чудо самого недавнего времени». В 1090 г. Иоанну было уже два года, и, по мнению Готье, оратор не мог именовать его таким образом. Думается, однако, что назвать младенца Иоанна *ὀφικῶτατος θεῖα* Феофилакт мог и в 1090 г., не говоря уже о том, что *ὀφικῶτατος* можно понимать не только в значении «самый недавний», но и «самый последний» (из детей Алексея).

Итак, большинство аргументов Готье вызывает серьезные возражения. И все же если ему, с нашей точки зрения, не удалось убедительно доказать свою мысль, то безусловно удалось показать слабую обоснованность некоторых традиционных датировок, более полувека переходящих из одного исследования в другое.

Я. Л.

С. ЛИШЕВ. ЗАГЕНЕЗИСА НА ФЕОДАЛИЗМА В БЪЛГАРИЯ

София, 1963, 223 стр.

Книга С. Лешева, в которой впервые в исторической литературе детально исследуется проблема формирования феодальных отношений в Болгарии, представляет собой серьезное научное исследование. Характерной особенностью книги является пересмотр ряда проблем, решение которых стало как бы традиционным. С. Лешев считает необходимым пересмотреть выдвинутый рядом исследователей тезис о том, что у славян еще до их переселения в Нижнюю Мезию знать захватила общественные земли и превратилась в класс крупных землевладельцев. В VI—VII вв. у славян будто бы уже оформилась феодальная эксплуатация, а в IX—X вв. уже существовала личная зависимость крестьян. Эта концепция раннего развития феодализма у славян излагается, в частности, Д. Ангеловым. Лешев критикует эти взгляды как необоснованные. Он указывает, что Земледельческий закон может быть использован только как источник по истории Болгарии второй половины IX в., когда был сделан перевод Земледельческого закона на славянский язык. В этом вопросе Лешев солидаризируется со Златарским, на высказывание которого он и ссылается. Далее Лешев показал, что и другие

источники, использованные Д. Ангеловым, в частности свидетельства Михаила Сирийского, не дают оснований для вышеизложенных выводов.

Лишев развивает свою концепцию формирования феодальных отношений в Болгарии. Вопреки распространенному мнению о том, что в VII в. у славян родовые отношения уже распались, Липшев считает, что родовые отношения еще в значительной мере сохранялись в VII—VIII вв. В этот период славянская община носила переходный характер. В ней сохранились черты родовой общины и появились уже черты, свойственные общине-марке. Частная собственность аллодиального типа еще не сложилась. Хотя и существовала наследственная государственная власть, но общество этого времени еще не являлось классовым. К этому периоду относится только начало процесса классовобразования. Крупная частная собственность на землю, равно как и феодальный эксплуатация, отсутствовали. У протоболгар в период их вторжения на Балканский полуостров также не существовало еще феодальных отношений. Кстати, основываясь на данных последних достижений археологии, Липшев считает, что протоболгары составляли отнюдь не малочисленную дружину—точка зрения, получившая значительное распространение в литературе,— а большое количество населения. Сравнительно медленные темпы формирования феодальных отношений в Болгарии Липшев объясняет состоянием производительных сил в стране. В разных районах уровень производительных сил был неодинаков. Если в Нижней Мезии существовала преемственность от античной культуры, то в Северной Болгарии и Добрудже было чрезвычайно редкое население и имелись огромные пространства запущенных земель. Постепенное развитие производительных сил привело в IX—X вв. к прогрессированию процесса обособления частной собственности и разложения общины. К этому времени относится распространение общины-марки. К X в. окончательно формируется аллодиальная собственность. Формирование феодализма в Болгарии отстает от развития феодальных отношений в Византии. В юго-западной Болгарии особенно долго сохраняются черты земледельческой общины. Хотя крупная собственность уже существовала в IX—X вв., однако она не распространялась на всю общину. Термин «властель», как показывает Липшев, не имел в этот период значения «земельный собственник», как это обычно считают, а обозначал государственного чиновника. Для обозначения крупного собственника употреблялись термины «господарь», «господин». Процесс закрепощения начинается, по мнению Липшева, только при Круме, т. е. в начале IX в., но до начала XI в. этот процесс происходил медленными темпами.

Выводы Липшева, полагающего, что темпы развития феодальных отношений в Болгарии были более медленными, чем считают некоторые исследователи, в частности Д. Ангелов, представляются вполне убедительными.

Книга Липшева, бесспорно, представляет собой существенный вклад в развитие марксистской исторической науки.

К. Х.

Н. П. СОКОЛОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Саратов, 1963, 542 стр.

Обширная монография горьковского историка Н. П. Соколова посвящена экспансии Венеции на Восток в X—XIII вв. и, таким образом, по своей тематике тесно связана с проблемами византиноведения. Это плод многолетнего исследования, результаты которого частично уже известны по большому числу статей, опубликованных в различных журналах¹. Уже обзор источников (стр. 12—51) свидетельствует о колоссальном труде, проделанном автором: он использовал документальные и нарративные памятники, в том числе венецианские, византийские, возникшие в латинских государствах Востока и в далматинских городах, арабские, генуэзские, французские, немецкие...

Естественно, что при таком широком круге источников Соколов не всегда может быть точен в их характеристике. Это относится, в частности, к византийским памятникам. Автор нередко пользуется старыми изданиями, не привлекая, к примеру, издание «Алексиады» Б. Лейба или «Морейской хроники» Шмитта. Говоря об описании Анны Комниной византино-венецианской войны против норманнов (стр. 20), следовало бы указать, что ее сведения об этих событиях восходят к общему источнику с хроникой Виллгельма Апулийского. Из сочинений Евстафия Солунского Соколов упоминает лишь «Взятие Солуни», тогда как знаменитый ритор посвятил одну из речей борьбе Мануила с венецианцами, и в частности осаде Анконы². Говоря на стр. 37 и сл. о

¹ См., например, Н. П. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии.—«Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», V, 1950; он же. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185).— ВВ, V, 1952; он же. Венецианская доля в византийском наследстве.— ВВ, VI, 1953.

² См. особенно: W. R e g e l. Fontes rerum byzantinorum, pars I. Petropoli, 1892, p. 111—114.